

пропуская сквозь пальцы тёмные пряди, пока ещё довольно неухоженные и короткие, — конечно, пока ты слишком мал, чтобы понять. Но я помогу тебе принять будущее, даже если ничего из этого не произойдёт. Знаешь, это довольно скверно, когда случается то, к чему ты оказываешься совершенно не готов.

Бай Лао поймал её взгляд в зеркале — пламя свечей в её глазах танцевало очень печально. Затем он посмотрел на собственное отражение, зацепившись за серёжку в правом ухе — алый камень застыл каплей крови в объятиях холодного золота. Чуньшен забывала об одной важной детали — ребёнок перед ней был не совсем человеком. Да, он не понимал многого, но слышал много рассказов о том, что мужчины делают с женщинами и наоборот. Конечно, он знал, в каком месте оказался. В конце-концов, любая лисица из его деревни мечтала добраться до самого князя. Чистокровных детей его возраста уже обучали различным искусствам, и Бай Лао радовался, что был полукровкой — он мог бы уйти, когда повзрослел и никто бы даже не заметил. Но вот он здесь, в самом желанном месте своей демонической половины. Какая ирония.

— Я знаю, что меня ждёт.

Чуньшен вздохнула, давно закончив с причёской и просто перебирая блестящие от масла пряди.

— Никто не может знать, что его ждёт.

Но Бай Лао знал. Он, и вправду, мог бы остаться обычным слугой. Конечно, пришлось бы смириться с жизнью евнуха. Будь он обычным человеком. Но он был полукровкой и именно лисья, демоническая, кровь всегда будет определять его.

***

Спустя чуть больше месяца Бай Лао привык. Он стал менее пуглив, на щеках появился здоровый румянец, а в глазах озорной блеск. С каждым днём он всё больше стал походить на обычного ребёнка, а всем детям свойственны маленькие шалости.

Однажды вечером, Чуньшен оставила его практиковаться в каллиграфии и куда-то ушла. Обычно Бай Лао прилежно выполнял все задания, но проснувшееся в этот вечер детское любопытство совершенно не позволяло ему сосредоточиться. И он решил проследить за своей госпожой, пообещав себе сразу вернуться, если его вылазка окажется неподобающей для его глаз.

Конечно, в гареме не запрещалось покидать покои поздними вечерами, но жизнь наложниц, в общем-то, не сильно отличалась разнообразием и ходить в такое время им было попросту некуда. У княжеских жён даже не было подруг, с которыми они могли коротать вечера, сказывалась, конечно же, зависть. Да и друг с другом, насколько Бай Лао успел понять, они не очень-то ладили.

Возможно, Чуньшен просто решила посетить музыкальный павильон, ведь она так любила рассказывать об этом и даже пару раз играла для Бай Лао перед сном на цине[1]. На мгновение Бай Лао даже пришёл в восторг от этой идеи — было бы здорово увидеть других музыкантов и послушать их игру, даже если потом его будут ругать за непослушание.

Однако шорох лёгких шелков привёл его во внутренний двор. Тот самый, куда Чуньшен привела его в первый день. Странно, но с того дня Бай Лао туда не приходил, хотя место ему, определённо, нравилось. Возможно, он просто боялся снова столкнуться с Фэн Ся. Оглядываясь назад, ему стыдно за своё поведение. В конце концов, он спас ему жизнь, был довольно добр и совершенно не обязан был всё это терпеть. Нужно будет как-нибудь извиниться, решил Бай Лао, даже если это будет совершенно неуместно. Погрузившись в собственные мысли он чуть не раскрыл себя, опрометчиво забыв спрятаться в тени одной из стен.

Чуньшен присела на край фонтана, провела рукой по искристой водной глади и принялась ждать.

— Я знаю, что ты здесь, — улыбчиво сказала она и Бай Лао вздрогнул, решив, что всё-таки был недостаточно скрытен, но Чуньшен почему-то смотрела в другую сторону, — хотя, не могу не признать, здорово, что ты стал более серьёзно относиться к правилам.

На секунду Бай Лао оцепенел, услышав знакомый золотой перезвон. Никто не запрещал наложницам покидать покои вечерами, но тайно встречаться с другими мужчинами, конечно, запрещалось. Как и им находиться на территории гарема. Но тем не менее Фэн Ся был здесь, ждал в тени и, выступив из неё, тепло улыбнулся.

Прямо сейчас Бай Лао стал свидетелем ужасного нарушения правил и должен был немедленно уйти. Но вместо этого он сильнее вжался в стену, не в силах отвести взгляда от этой улыбки. Искренней, доброй, такой...странной. Фэн Ся не производил впечатления, как человек, способный на такую улыбку, хотя и был совсем молод.

Неужели он и его госпожа что-то скрывали?

Бай Лао, определённо, стоило уйти, но любопытство раз за разом брало верх, заставляя его всего превратиться в слух.

— Что с твоей причёской? Давно не видел тебя такой. — Вместо приветствия сказал Фэн Ся, присаживаясь рядом.

Чуньшен игриво перекинула за спину прядь каштановых волос, часть которых была собрана на затылке одной из самых простых шпилек.

— Будь снисходительнее к моей новой гребневице. Всё-таки, ему всего восемь.

В темноте Бай Лао не мог отчётливо видеть лица, но голос Фэн Ся почему-то не звучал удивлённо. Перед ответом он посмотрел на звёздное небо, только потом переведя взгляд на девушку рядом.

— Продолжаешь покровительствовать несчастным детям? Я даже не удивлён.

Чуньшен возмутилась, хлопнув его по плечу.

— Ай-я, А-Хуа! Я уж точно не была твоей покровительницей. Сколько, по-твоему, мне лет?

Бай Лао смотрел на смеющегося Фэн Ся и совсем не узнавал в нём человека из той роковой ночи. Тогда он походил на своевольный пожар, сейчас же он был игривым пламенем свечи.

— Я рад, что ты взялась опекать его. Думаю, вам обоим это нужно.

— Почему ты спас его?

Бай Лао замер. Вряд ли бы он сам когда-нибудь решился задать этот вопрос. Он весь натянулся словно струна и даже задержал дыхание.

Фэн Ся вздохнул, снова устремив взгляд в звёздное небо.

— Не знаю. Может быть, потому что я тоже был ребёнком, которому желали смерти?

Бай Лао не знал, каким на самом деле был Фэн Ся. Но смотря на него, он видел пламя. И в этот момент пламя задрожало.

Комментарии и примечания:

[1] Цинь (гуцинь) — «царь всех инструментов» — Сама форма циня - округлая сверху и плоская снизу - символизирует «круг» Неба и «квадрат» Земли, как они понимаются в натурфилософии Китая. То есть сам инструмент гуцинь - это весь мир, все сущее между небом и землей.

Все измерения инструмента также имеют символический смысл:

- длина гуциня равна 36 цуней (китайская мера измерения, равная примерно 3,73 см), что символизирует 360 дней в году

- на корпусе циня 13 точек для ориентации во время игры. Они обозначают 12 месяцев и 1 месяц високосного года.

- самое широкое место инструмента равно 8 цуней, что означает восемь ветров.

- а самое узкое – 4 цуня, времени года.

<http://bllate.org/book/14934/1323630>